

УДК 902/904(476) «633»

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЕЗОЛИТУ БАССЕЙНА РЕКИ СОЖ

канд. ист. наук, доц. А.В. КОЛОСОВ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Представлен итог многолетних работ по изучению мезолита бассейна реки Сож. На основе методов сравнительного типолого-технологического анализа коллекций кремневого инвентаря, выделен ряд мезолитических культур, население которых обитало на территории Посожья в конце плейстоцена – начале голоцена. Результаты исследования демонстрируют картину сложного и многообразного процесса адаптации бассейна реки Сож населением разных культурных явлений, существовавших (сосуществовавших) в начале голоцена, что не выходит за рамки современных представлений о развитии культур среднего каменного века лесной полосы Восточной Европы. В научный оборот вводятся новые материалы по гренской, свидерской и, возможно, лингбийской культурам финального палеолита; песочноровской, бутовской, кудлаевской и яниславицкой культурам эпохи мезолита.

Территория Посожья географически охватывает восточные районы Могилевской и Гомельской областей Республики Беларусь и западные районы Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. В геоморфологическом отношении основная часть посожского региона относится к зандровой равнине с холмистым рельефом водно-ледникового происхождения, которая южнее линии Гомель – Ветка уступает свое место полесским низменным ландшафтам [13, с. 167 – 187]. Бассейн характеризуется разветвленной системой притоков реки Сож, среди которых наиболее представительны Вихра, Волчас, Проня, Уза (справа), Хмара, Остер, Покоть, Беседь и Ипуть (слева). Поверхностное залегание меловых пород с богатыми запасами кремня стало благоприятным фактором для освоения Посожья в каменном веке и в некоторой степени определило специфику кремневого инвентаря отдельных местонахождений эпохи мезолита, топографически приуроченных к сырьевым источникам.

Первые сведения о мезолитических памятниках бассейна реки Сож относятся к концу XIX века, когда в 1889 году Н.Ф. Беляшевским был произведен сбор подъемного материала на стоянке у д. Романовичи (правобережье р. Ипуть) [1, с. 443 – 444]. На протяжении последующих 120 лет изучением посожских стоянок занимались А.Н. Лоначевский, Е.Р. Романов, К.М. Поликарпович, В.Д. Будько, В.Ф. Исаенко, И.М. Тихоненков, В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц, В.П. Ксензов, О.Л. Липницкая и др. В процессе многолетних работ была создана прочная база источников, в интерпретации которых начиная с 1970-х годов произошел существенный сдвиг. Широкомасштабные раскопки мезолитических памятников в 1970 – 1990-е годы позволили исследователям поставить вопрос о культурном своеобразии мезолита Восточной Беларуси [3; 9 – 10].

По мнению В.Ф. Копытина и Е.Г. Калечиц, считалось, что наиболее ранними в Посожье являются памятники гренской культуры, население которой появилось в финальном палеолите и продолжало обитать в раннемезолитическое время (10 – 8 тыс. лет назад). Это положение подкреплялось материалами некоторых памятников гренской культуры Верхнего Поднепровья, в том числе и Гренской стоянки на Соже [9, с. 32 – 38]. В позднем мезолите (этап датировался 8 – 6 тыс. лет назад) гренские традиции кремнеобработки, при некотором участии свидерских, дали начало сожской культуре, выделенной В.Ф. Копытиным в 1970 – 1980-е годы. Своеобразие и локальный характер этого культурного явления были установлены раскопками ряда мезолитических стоянок, прежде всего, бассейна р. Сож – Глыбовка (Бабулин Бугор), Горки, Журавель, Клины, Новые Громыки (Аврамов Бугор) [3, с. 16 – 30; 9, с. 32 – 38, 48 – 54].

Определенную позицию в отношении культурного развития посожского региона в мезолитическое время занял В.П. Ксензов [10; 11, с. 5 – 20]. Мезолит Верхнего Поднепровья и Посожья он предложил рассматривать в контексте выделенной им днепро-деснинской культуры [10, с. 61 – 86; 11, с. 15 – 20]. По мнению исследователя, появление днепро-деснинской культуры было обусловлено результатом контактов лингбийского и свидерского населения, имевших место еще в конце финального палеолита. В своем развитии днепро-деснинские древности прошли два этапа: раннемезолитический (10 – 8 тыс. лет назад) и позднемезолитический (8 – 7 тыс. лет назад). Хронологическим репером для такой периодизации послужило широкое распространение в поздних днепро-деснинских комплексах разнообразных ланцетовидных изделий и геометрических микролитов (трапеций) [11, с. 15 – 20].

Таким образом, в рассуждениях исследователей посожского мезолита наблюдалась попытка обоснования культурной уникальности конкретной территории, которая выражалась в идее аккультурации традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые вопросы. Во-первых, оставалось неясным: перед нами два или одно культурное явление, которое

фигурирует под разными названиями. Во-вторых, данные какой из этих культур – сожской или днепро-деснинской – могли объективно отражать процесс адаптации мезолитического населения на территории Посожья в начале голоцена.

В ходе изучения материалов сожской и (или) днепро-деснинской культур стало очевидным, что на данном источниковедческом уровне у нас не имеется конкретных сведений, которые бы позволили говорить о взаимовлияниях разных культурных традиций, ставших основой для формирования отдельных локальных культур, таких как сожская или днепро-деснинская [4, с. 8 – 14]. Конгломерат кремневых комплексов этих культур является результатом механического смешения разнокультурных материалов, представленных в достаточно широком хронологическом диапазоне – от финального палеолита до эпохи бронзы включительно.

Дискуссионным остается вопрос и о хронологической принадлежности отдельных памятников гренской культуры к мезолитической эпохе. Напомним, что это культурное явление на территории Посожья представлено коллекциями стоянок Гренская [9], Журавель и Поклады II [5, с. 16 – 25]. Наконечники гренского типа обнаружены также на стоянках Горки, Гронов, Литвиновичи (Телец) [17, с. 423, 432 – 434], Подлужье III, Рудня (Славгородский р-н, сборы В.Ф. Копытина) и Турищевичи. Для гренской культуры характерно монофронтальное скалывание заготовок, преимущественно с одноплощадочных нуклеусов, морфология которых была подчинена форме и размерам исходного сырья. Предпочтение отдавалось конкрециям овально-уплощенной формы, размеры которых соответствовали 50 – 80 мм длины, 30 – 40 мм ширины и 20 – 40 мм толщине. В качестве заготовки для орудий труда использовались отщеп и пластина неправильной огранки, которые получали в технике твердого удара. Во второйичной обработке гренским населением широко применялось крутое и полукрутое ретуширование заготовки, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола и оббивка. Наконечники стрел представлены двумя основными формами: асимметричными с боковой выемкой и черешковыми. Перо черешковых наконечников имеет естественное, без дополнительной обработки, окончание либо скошено полукрутой ретушью и в отдельных случаях дополнительно подправлено резцовым сколом.

Большинство специалистов по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы видит в гренских древностях прямого генетического предка населения иеневской культуры междуречья Волги и Оки и песочноровской Средней Десны [2, с. 44 – 51; 9, с. 46]. На фоне этих родственных культур гренская представляется наиболее ранней, по времени относящейся к финальному палеолиту. Процесс распространения в Верхнем Поднепровье и Посожье культуры асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой, очевидно, приходится на поздний дриас (10,8 – 10,3 тыс. лет назад), что согласуется с результатами естественнонаучных датировок отдельных иеневских памятников и стратиграфией стоянки Хвойная [9, с. 25 – 27; 20, р. 272 – 279]. Отсутствие в составе кремневого инвентаря гренской культуры геометрических микролитов (трапеций, треугольников и сегментов) отражает, с одной стороны, специфику этого культурного явления на фоне песочноровских и иеневских древностей, где подобного рода находки достаточно широко распространены, с другой – является хронологическим показателем [2, с. 55 – 62; 19, с. 74 – 78]. С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре относится ко второй половине пребореала – началу бореального времени [19, с. 77 – 78; 20, р. 272 – 279]. К таким же выводам приходит и Л.Л. Зализняк, характеризуя материалы песочноровской культуры [2, с. 60 – 62]. Если признать логику таких хронологических построений, то следует согласиться с тем, что либо песочноровско-иеневские комплексы с геометрическими микролитами возникли значительно раньше, и тогда выводы А.Н. Сорокина о необходимости удревнения иеневской культуры верны [19, с. 78], либо гренское население продолжало обитать в начале мезолитического времени, и в этом случае необходимо признать мнение Л.Л. Зализняка о генетической роли памятников типа Боровка раннего пребореала в формировании песочноровской культуры [2, с. 62].

Вместе с тем гренская, иеневская и песочноровская культуры – это не просто явления одного генетического порядка, а результат адаптации одного и того же населения к менявшимся природным условиям конца плейстоцена – начала голоцена. Следовательно, появление и распространение на песочноровских и иеневских стоянках вкладышей алтыновского типа и геометрических микролитов отражает не только эволюцию охотничьего вооружения культуры асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой, но и представляет собой хозяйственную реакцию древнего населения в момент трансформации окружающей среды после окончания ледниковой эпохи.

Подобная ситуация существует и в отношении памятников свидерской культуры, присутствие которых установлено и для бассейна реки Сож. Становится очевидным, что представления об ареале распространения свидерского населения в Восточной Беларуси не следует ограничивать только правобережьем Днепра, как это считалось ранее [9, с. 27 – 31], а малочисленность свидерских стоянок на этой территории является результатом слабой изученности этого культурного явления в целом. Среди посожских стоянок, на которых обнаружены материалы свидерской культуры, можно указать Борисовичи, Горки, Гренск,

Кленки III, V и VII, Костюковка (Взлужье), Первокривевский III, Рудня I (Климовичский район), Рудня Споницкая (Латки) и Папоротки [17, с. 412, 420 – 424].

Техника расщепления кремня на свидерских стоянках в Посожье характеризуется односторонним параллельным снятием пластин и пластинчатых отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, которые имеют тщательно оформленные боковые стороны и контрфронт. Среди наконечников стрел выделяются изделия черешковых форм, имеющих дополнительную плоскую вентральную обработку насада. По способу оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью, которая в некоторых случаях может дополнительно сочетаться с плоской обработкой вентрального фаса пластины. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячка XIVa).

Схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса – начала пребореального времени [2, с. 51 – 55; 14, с. 83 – 105; 18, с. 39 – 61, 85 – 89; 22, с. 159 – 162]. Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм, имеющих дополнительную обработку пера (Борисовичи, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания свидерского населения в Посожье в начале мезолитической эпохи.

В настоящее время в посожском регионе насчитывается около 75 памятников эпохи мезолита (рис. 1), но только 14 из них подвергались раскопкам: Глыбовка (Бабулин Бугор), Гренск, Горки, Журавель, Дедня, Клины, Криничная, Новые Громыки (Аврамов Бугор), Печенеж, Поклады, Первокривевский III, Робцы, Рудня I (Климовичский район) и Устье II [3, с. 16 – 30; 5, с. 16 – 25; 7, с. 42 – 66; 9, с. 32 – 38, 48 – 54].

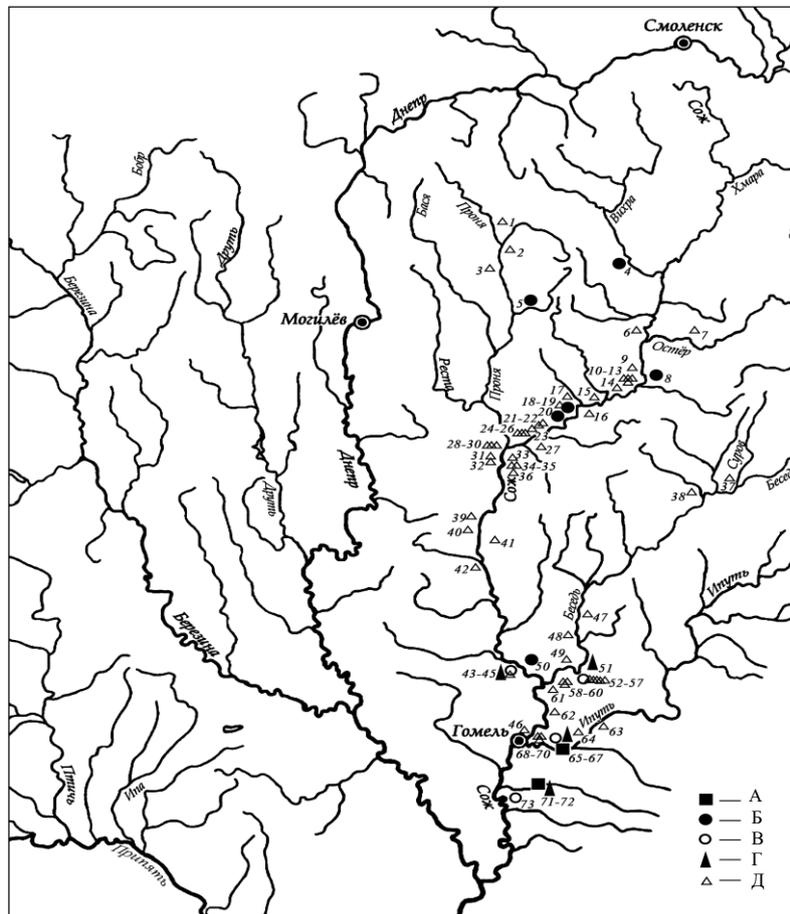

Рис. 1. Карта мезолитических памятников Посожья.

Стоянки культур: А – песчоноровской; Б – бутовской; В – кудлаевской; Г – яниславицкой; Д – отдельные местонахождения; 1 – Каменка; 2 – Робцы; 3 – Селец; 4 – Коробчино; 5 – Дедня; 6 – Лобковичи; 7 – Роськов; 8 – Рудня (Климовичский район); 9 – Первокривевский; 10 – 13 – Поклады; 14 – Охорь; 15 – Устье; 16 – Гронов; 17 – Чериков; 18 – 19 – Горки; 20 – Криничная; 21 – 22 – Журавель; 23 – Баков; 24 – 26 – Александровка (Толкачевка); 27 – Кремьянка; 28 – 30 – Славгород; 31 – Рудня (Славгородский район); 32 – Гайшин; 33 – Клины; 34 – 35 – Дубно; 36 – Старая Каменка; 37 – Заречье; 38 – Гайковка (Печенеж); 39 – Литвиновичи; 40 – Сапожки (Бервяно); 41 – Васильевка; 42 – Ворновка (Бор); 43 – 45 – Присно (Заполье, Старое Однополье); 46 – Плесы; 47 – Малые Немки; 48 – Чемерня;

49 – Старые Громыки; 50 – Пролетарский (Попово); 51 – Глыбовка (Бабулин Бугор); 52 – 57 – Новые Громыки (52 – Аврамов Бугор); 58 – 60 – Бартоломеевка; 61 – Беседь; 62 – Рудня Споницкая (Латки); 63 – Добруш; 64 – Залядь; 65 – 67 – Романовичи; 68 – 70 – Кленки; 71 – 72 – Калинино (Чурилово); 73 – Новые Терешковичи (Крыга)

К сожалению, ни одна из стационарно исследованных стоянок не имеет четкой стратиграфии, или материалы которых были бы обеспечены данными естественных наук, что несколько ограничивает нас в возможности дать более полную культурно-хронологическую характеристику имеющимся источникам. Основные выводы получены в результате сравнительного типолого-технологического анализа коллекций кремневого инвентаря, большая часть которых получена путем поверхностных сборов и имеет в своем составе разновременные находки. Коллекции большинства мезолитических местонахождений представлены единичными артефактами, не позволяющими на должном уровне провести их культурно-хронологическую идентификацию. Стационарные работы на таких памятниках практически не осуществимы, ибо две трети территории Посожья находится в зоне аварии на Чернобыльской АЭС, что значительно ограничивает возможности проведения здесь археологических исследований. Однако это вовсе не умаляет источниковедческого значения полученных материалов, которые на современном этапе изучения позволяют объективно оценить культурную ситуацию, сложившуюся в Посожье после окончания эпохи плейстоцена.

В свете новых данных можно констатировать, что мезолит бассейна реки Сож представлен находками целого ряда отдельных культурных явлений. Среди них определенный интерес вызывают материалы песочноровской культуры, обнаруженные в поверхностных сборах Е.Г. Калечиц с разновременных стоянок Романовичи и Калинино (Чурилово) Гомельского района (рис. 2, а). Комплекс кремневых артефактов этих поселений представлен одно- и двухплощадочными нуклеусами (рис. 2, а: 7), с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы в технике твердого удара, в результате чего сколы имеют выраженный ударный бугорок и характеризуются определенной аморфностью форм. Среди многочисленных изделий с вторичной обработкой типичными для песочноровской культуры являются находки высоких симметричных и ассиметричных трапеций, которые дополняются ассиметричными наконечниками стрел с боковой выемкой и простыми черешковыми наконечниками стрел на пластинчатых заготовках (рис. 2, а: 1 – 6, 8, 12, 14). К песочноровскому комплексу находок можно отнести также серию крупных пластин со скошенным концом и треугольники (рис. 2, а: 9 – 11, 13).

Определить точное время появления песочноровских стоянок в Нижнем Посожье на данном источниковедческом этапе не представляется возможным. Очевидно, отдельные группы песочноровского населения могли (продолжали?) существовать в бассейне реки Сож в начале мезолитической эпохи. По данным Л.Л. Зализняка, распространение песочноровских комплексов с трапециями и вкладышами алтынковского типа приходится на вторую половину пребореала – бореальное время [2, с. 62]. Аналогичная ситуация наблюдается в материалах иневской культуры, памятники которой обеспечены радиоуглеродными датами, позволяющими относить начало появления геометрических микролитов к концу VIII – началу VII тыс. до н. э. [19, с. 77 – 78; 20, р. 272 – 279].

В первой половине 1990-х годов в бассейне р. Сож стали известны памятники бутовской культуры, среди которых можно отметить материалы стоянок Дедня, Коробчино, Криничная, Пролетарский (Попово) и Рудня I (Климовичский район) (рис. 2, б) [6, с. 154 – 156; 7, с. 42 – 66]. Специфика памятников этой культуры в Посожье определяется не только типологическим составом кремневого инвентаря, но и характером исходного сырья, которое визуально отличается от сожского мелового кремня. Производственный комплекс основной части стоянок базируется на использовании импортного полупрозрачного кремня серого или темно-серого цвета, имеющего пятнистую структуру и покрытого тонкой и гладкой желвачной коркой.

Техника расщепления кремня основана на отжиге длинных, узких и тонких пластин правильной огранки – ведущего типа заготовки, который использовался для производства орудий, прежде всего, вкладышей, наконечников стрел и резцов на сломе заготовки. Среди орудий ведущее положение занимают резцы, которые представлены исключительно орудиями на сломе заготовки (рис. 2, б: 22 – 23). Коллекции посожских стоянок включают также находки многочисленных пластин-вкладышей и микропластинок с притупленным краем (рис. 2, б: 24 – 29). Наконечники стрел (рис. 2, б: 15 – 19, 21) представлены черешковыми изделиями с дополнительной обработкой насада плоской встречной ретушью со стороны брюшка. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который ограничен зубцами с двух сторон и подправлен плоской вентральной ретушью. Перо таких наконечников на треть или половину длины заготовки обработано фасетками встречной плоской ретуши со стороны брюшка (тип Пулли).

Интересные данные получены по хозяйственно-бытовой структуре исследованных бутовских памятников в Посожье [6, с. 154 – 156; 7, с. 44 – 45]. На стоянке Дедня в 2006 – 2007 годах изучены остатки жилищного комплекса, представляющего собой подовальное скопление нескольких линз темно-серого песка, общей площадью до 78 кв. м [7, с. 44 – 45]. Объект был углублен в материк на 0,20 – 0,45 м и, видимо, мог представлять собой остатки утепленной жилой постройки в виде чума или яранги, известных по этнографическим материалам народов Крайнего Севера.

По аналогии со стоянками бутовской культуры междуречья Волги и Оки [8, с. 7 – 16, 26 – 29, 36, 93 – 95, 109 – 112, 120 – 121; 19, с. 78 – 82], кундской Восточной Прибалтики (тип Пулли) [12, с. 20 – 35; 21, р. 93 – 106] и культуры Веретье севера Восточной Европы [15, с. 13 – 26, 59 – 60, 170, 259, 320] время появления бутовского населения на территории Среднего Посожья следует отнести к раннему мезолиту, вероятно, ко второй половине пребореального – началу бореального времени (9,6 – 8,8 тыс. лет назад).

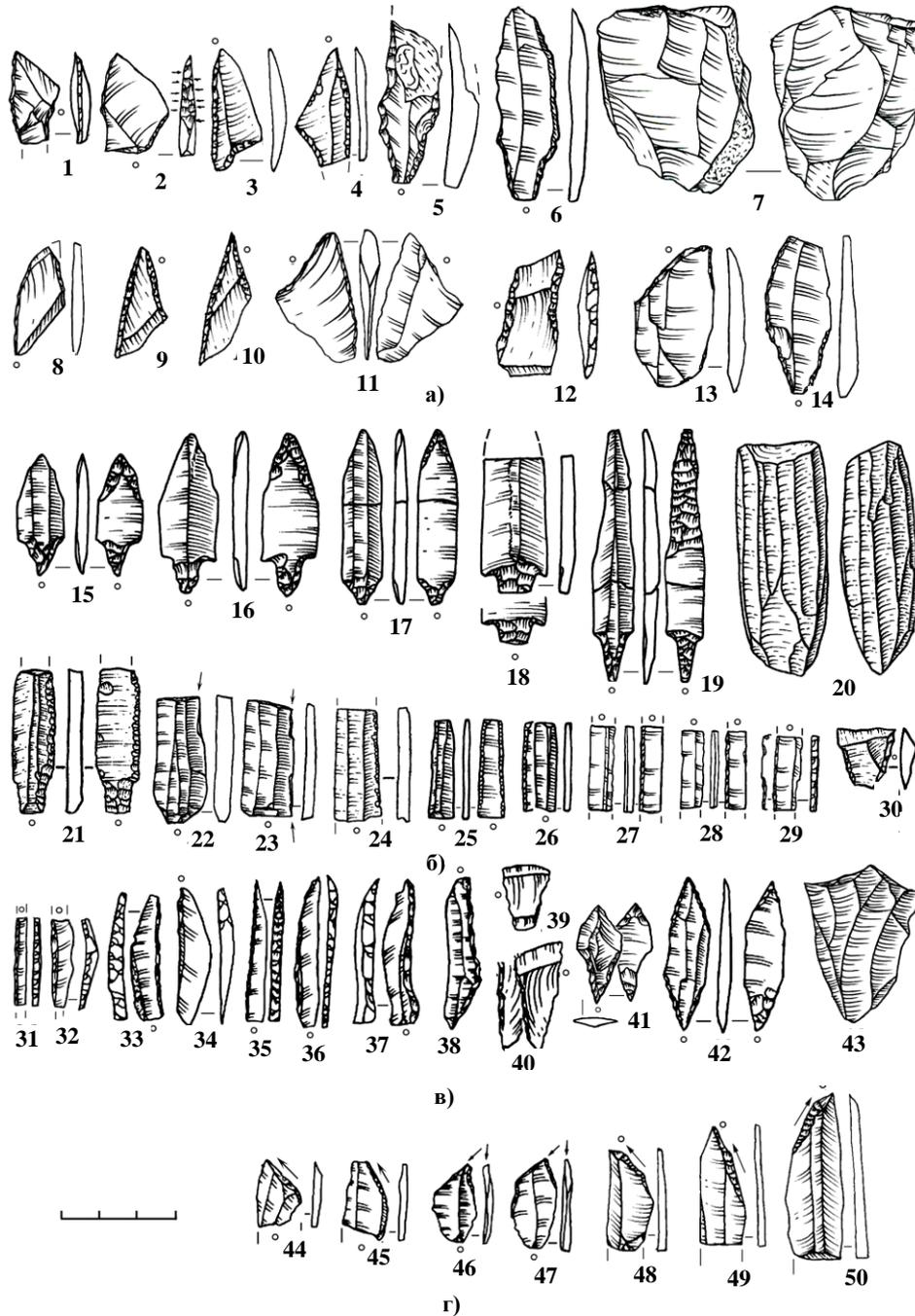

Рис. 2. Мезолит Посожья. Основные категории находок:
 а – песчноровская культура (1, 3 – 4, 6, 8 – 13 – Романовичи; 2, 5, 7, 14 – Калинино (Чурилово));
 б – бутовская культура (15 – 20, 22 – 26 – Дедня; 21, 27 – 30 – Криничная);
 в – кудлаевская культура (31 – 43 – Новые Громыки (Аврамов Бугор));
 г – яниславицкая культура (44 – 45 – Калинино (Чурилово);
 46 – 47 – Глыбовка (Бабулин Бугор); 48 – 50 – Романовичи)

Появление стоянок бутовской культуры в Среднем Посожье может объясняться сезонными миграциями (первоначально со своим сырьем) мезолитического населения из Волго-Окского междуречья,

впоследствии адаптировавшегося к использованию местных сырьевых источников, что подтверждается материалами стоянки Криничная [6, с. 155]. По сравнению с Дедней кремневый инвентарь этого памятника выглядит более развитым и характеризуется низким индексом пластинчатости [6, с. 155; 7, с. 53]. Различия между стоянками Дедня и Криничная могут объясняться, с одной стороны, статусом и топографией поселений, с другой – их хронологией. В последнем случае этому не противоречит находка средневысокой трапеции на стоянке Криничная (рис. 2, б: 30) и развитость ее орудийного комплекса в целом. Учитывая тот факт, что трапеции в бутовской среде появляются в начале VII тыс. до н. э. [19, с. 81 – 82], Криничную следует датировать не ранее бореального времени.

В эпоху мезолита нижнее течение бассейна реки Сож входило в зону обитания населения кудлаевской культуры (см. рис. 1; рис. 2, в). Материалы этой культуры обнаружены на стоянках Новые Громыки (Аврамов Бугор), Новые Терешковичи (Крыга) [16, с. 106, 179, табл. XIX: 15, табл. XLIV: 1 – 7; 17, с. 435, табл. 16: 23], Присно (Замостовье) и Романовичи. Кремневый инвентарь кудлаевских стоянок Посожья демонстрирует яркий пример развития микролитойной индустрии, основанной на утилизации монофронтальных одно- и двухплощадочных нуклеусов (рис. 2, в: 43). Техника расщепления кремня была направлена на скалывание пластин неправильной огранки, полученных в технике удара с помощью твердого отбойника, в качестве которого могли использоваться кремневые конкреции (Аврамов Бугор).

В технике вторичной обработки на кудлаевских стоянках широко использовались крутое и полукрутое ретуширование заготовки, техника резцового скола и оббивка. Определенное своеобразие кудлаевским комплексам Посожья придают различные по форме и способам изготовления микролиты – пластинки с притупленным краем, острия типа Ставинога-Кудлаевка, высокие и средневысокие симметричные трапеции (Аврамов Бугор и Романовичи) (рис. 2, в: 31 – 40). В коллекции стоянки Аврамов Бугор единично изделие, напоминающее коморницкий треугольник. Набор охотничьего вооружения дополняется черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых имеют подправку насада и пера плоской ретушью со стороны брюшка (рис. 2, в: 41 – 42).

Состояние источников в настоящее время не позволяет с полной уверенностью говорить о хронологии кудлаевских стоянок на территории Посожья, поскольку основная часть коллекций в своем составе содержит смешанные разнокультурные комплексы. Определенное сходство кремневый инвентарь стоянок Аврамов Бугор и Романовичи обнаруживает среди материалов таких кудлаевских поселений, как Люботынь III и Кудлаевка, время существования которых, по данным Л.Л. Зализняка, определяется концом бореального – началом атлантического времени [2, с. 73 – 74]. Типологический состав коллекций, характеризующихся развитым комплексом микролитов, позволяет условно датировать памятники кудлаевской культуры Нижнего Посожья позднемезолитическим временем, что не исключает наличие более ранних кудлаевских стоянок в этом регионе.

В Посожье известны также памятники, в материалах которых присутствуют острия и микрорезцы яниславицкого типа (см. рис. 1; рис. 2 г). Острия яниславицкого типа обнаружены в коллекциях стоянок Калинино (Чурилово), Романовичи и Присно (Старое Однополье) (рис. 2, г: 44 – 45, 48 – 50). Два микрорезца яниславицкого типа представлены среди орудий стоянки Глыбовка (Бабулин Бугор) (рис. 2, г: 46 – 47). Ближайшие памятники с находками яниславицкой культуры известны в бассейне р. Припять (рудоостровский вариант по Л.Л. Зализняку на территории Киевского Полесья) [2, с. 82 – 89]. Присутствуют они также в Белорусском Поднепровье на стоянках Красновка I Б, Городок IV, Старая Лутава [10, с. 70 – 79, 114 – 123]. Учитывая немногочисленность находок, происходящих со смешанных коллекций, присутствие яниславицких элементов в Посожье требует специального изучения.

Заключение. Современное состояние источников по мезолиту Посожья не позволяет признать объективной идею поликультурного синтеза традиций в составе отдельной локальной культуры (например, сожской или днепро-деснинской). Результаты исследования демонстрируют картину сложного и многообразного процесса адаптации бассейна реки Сож населением разных культурных явлений, существовавших (сосуществовавших) в начале голоцена, что не выходит за рамки современных представлений о развитии культур среднего каменного века лесной полосы Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляшевский, Н.Ф. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам / Н.Ф. Беляшевский // Киевская старина. – Киев, 1891. – Т. XXXII. – С. 443 – 444.
2. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
3. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 156 с.

4. Колосов, А.В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А.В. Колосов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8 – 14.
5. Колосов, А.В. Мезолитическая стоянка Поклады-2 в Кричевском Посожье / А.В. Колосов // Сб. науч. тр.; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2005. – № 20: Гістарычна-археалагічны зборнік. – С. 16 – 25.
6. Колосов, А.В. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья / А.В. Колосов // Романовские чтения-3: сб. тр. междунар. науч. конф., Могилев, 23 – 24 нояб. 2006 г. / МГУ им. А.А. Кулешова; под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев, 2007. – С. 154 – 156.
7. Колосов, А.В. Мезолитическая стоянка Дедня / А.В. Колосов // Acta Archeologia Albaruthenica. – Минск, 2008. – Vol. III. – С. 42 – 66.
8. Кольцов, Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры / Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. – М.: Наука, 1999. – 155 с.
9. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
10. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
11. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5 – 20.
12. Ксензов, В.П. Культура кунда / В.П. Ксензов // Сб. науч. тр.; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2001. – № 16: Гістарычна-археалагічны зборнік. – С. 20 – 35.
13. Ландшафты Белоруссии / Г.И. Марцинкевич [и др.]; под общ. ред. Г.И. Марцинкевич, Н.К. Клицуновой. – Минск: Университетское, 1989. – 239 с.
14. Неприна, В.И. Памятники каменного века левобережной Украины / В.И. Неприна, Л.Л. Зализняк, А.А. Кротова. – Киев: Наукова думка, 1986. – 178 с.
15. Ошибкина, С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / С.В. Ошибкина. – М.: Ин-т археологии РАН, 2006. – 322 с.
16. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) / К.М. Палікарповіч // Працы кафедры археалёгіі. – Мінск, 1928. – Т. 1. – С. 123 – 252.
17. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледваньня 1927 г. / К.М. Палікарповіч // Працы кафедры археалёгіі. – Мінск, 1930. – Т. 2. – С. 383 – 478.
18. Римантене, Р.К. Палеолит и мезолит Литвы / Р.К. Римантене. – Вильнюс: Минтис, 1971. – 203 с.
19. Сорокин, А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна / А.Н. Сорокин // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х.А. Амирханова. – М.: Науч. мир, 2004. – С. 59 – 89.
20. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 272 – 279.
21. Ostrauskas, T. Kundos kultūros tyrinėjimų problematika / T. Ostrauskas // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2002. – T. 23. – P. 93 – 106.
22. Šatawičius, E. Swidry kultūra Lietuvoje / E. Šatawičius // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2005. – T. 29. – P. 133 – 170.

Поступила 18.05.2009

NEW DATA ON MESOLITHIC OF SOZH RIVER BASIN

The article sums up long-term works on studying of Mesolithic of Sozh river basin. On the basis of methods of comparative typological-technological analysis of collections of flint inventory, the author singles out a number of Mesolithic cultures which population lived in territory of Belarusian Sozh Region in the end of Pleistocene – the beginning of Holocene. New materials on Grensk culture, Swidry culture and, probably, Lingby culture of a final Paleolithic, Pesochnyi Rov culture, Butovo culture, Kudlaevka culture and Yanislavitsa type of an epoch of Mesolithic are put into a scientific use.